

УДК 82

ЧЕЛОВЕК И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В КУРСЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

(Рец. на кн.: Русская литература XX века : учеб. пособие : в 2 ч.
Ч. 1 : Человек и художественная реальность в литературе
1890–1940-х годов / под ред. Т. А. Никоновой. – Изд. 2-е, испр. и доп.
– Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. – 484 с.)

О. В. Богданова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 17 мая 2017 г.

Аннотация: в статье предложено аналитическое обозрение нового учебного пособия «Русская литература XX века. Часть первая. Человек и художественная реальность в литературе 1890–1940-х годов» (под ред. Т. А. Никоновой), вышедшего в Воронежском государственном университете и подготовленного авторитетным коллективом ученых-исследователей.

Ключевые слова: коллективная монография, традиции и новаторство, серебряный век.

Abstract: the article examines the new textbook “Russian literature of the twentieth century. Part one. Man and artistic reality in literature 1890–1940-s” (ed. by T. A. Nikonova), published in Voronezh State University and prepared by an authoritative team of research scientists.

Key words: collective monograph, traditions and innovation, silver age.

В обстоятельствах живого и трансформирующегося литературного процесса, в условиях редукции общественных законов восприятия художественного текста, обогащения литературы и искусства в целом вузовский учебно-образовательный комплекс требует постоянной реновации и пополнения, нуждается в непрерывной реконструкции и развитии. Появление новых произведений искусства, обнаружение и открытие прежде закрытых историко-литературных архивов, освоение новых способов интерпретации художественно-эстетических артефактов неизменно влияют не только на характер аксиологии литературного текста, но и на способы его восприятия и осмысления, на ракурсы его видения и понимания, и как следствие – на систему и методы преподавания курса истории русской литературы в студенческой аудитории.

Сегодня в новых условиях социального макро- и микроскопа переакцентировке и перекодировке подвергаются как произведения классической литературы – А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. А. Гончаро-

ва, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, так и художественные произведения так называемого Серебряного века, творения Д. С. Мережковского, И. А. Бунина, А. И. Куприна, В. Я. Брюсова, М. А. Алданова, А. А. Блока и др. Новый инструментарий литературоведческой интерпретации и современные способы аналитики нарративных стратегий приводят к экспликации многоуровневой системы построения художественного произведения, к неожиданным открытиям в пределах, казалось бы, давно знакомых – хрестоматийных – текстов. Именно поэтому появление новых учебников, инновационных учебных пособий, отражающих современный взгляд на восприятие отечественной литературы, вряд ли может быть переоценено, процесс обновления современного научного знания едва ли может быть признан завершенным или избыточным. В этом контексте первая часть учебного пособия «Русская литература XX века» (под редакцией Т. А. Никоновой), подготовленная и изданная коллективом сотрудников Воронежского государственного университета, занимает достойное и самостоятельное место в комплексе материалов для студентов-филологов и требует к себе особого внимания.

© Богданова О. В., 2017

Учебное пособие «Русская литература XX века» представляет собой второе, переработанное и дополненное научное издание (первое вышло в 1999 г.), которое обобщает опыт преподавания и непосредственно чтения на кафедре русской литературы XX века ВГУ курса истории отечественной литературы прошлого века. В авторский коллектив учебного пособия вошли выдающиеся ученые, опытные преподаватели, крупнейшие специалисты по русской литературе, доктора филологических наук, профессора О. А. Бердникова, П. В. Куприяновский, Н. А. Молчанова, Е. Г. Мущенко, Т. А. Никонова, Т. А. Тернова, кандидаты филологических наук, доценты Г. Н. Боева, А. А. Кретинин, А. В. Фролова. Рецензентом научного издания выступила доктор филологических наук, профессор Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина – Л. В. Полякова. В целом учебное пособие сохраняет концептуальные подходы, выработанные коллективом авторов предшествующего издания, однако в новом учебнике по-новому структурирован предлагаемый материал, отбор которого обусловлен новыми учебными планами и программами бакалаврской и магистерской подготовки, разработаны и дополнены отдельные аспекты и ракурсы историко-литературоведческого освещения творческой эволюции того или иного писателя.

Композиционная структура учебного пособия «Русская литература XX века» мотивирована двумя формами и направлениями изложения материала – использованием *обзорных* глав и разделов, предлагающих общие сведения о том или ином литературном течении начала XX в., о его ведущих тенденциях и магистральных развитиях, и *монографических* глав, вбирающих в себя сведения о лидирующих персоналиях литературного процесса тех лет, их биографии и творческих методах и стратегиях, определяющих динамику развития прозы, поэзии, драматургии избранных лет. Подчиненные хронологическому принципу интеграция и интерференция *общего* и *частного* в настоящем учебном пособии обеспечивают обширность и объемность освещения литературных явлений, дают возможность осознать масштаб творческих открытий того или иного писателя на фоне всей литературной ситуации избранного периода. Ступенчатость и поэтапность обозрения литературных достижений русской литературы начала XX в., взаимосвязанность и восприимчивость научных подходов среди авторов учебного издания позволяют говорить о выработке современного канона образовательного пособия – цельной коллективной монографии, отличающейся единством подхода и взаимозависимостью научных

представлений, формирующих законченную и монолитную концепцию восприятия литературы.

Новизна исследовательского подхода, предложенная в учебном пособии «Русская литература XX века», заявлена уже во Введении. По словам О. А. Бердниковой и Е. Г. Мущенко, «разговор о литературе XX века в последние десятилетия вышел за пределы политизированной антикоммунистической доктрины в область философскую и эстетическую», потому в литературоведении назрела «необходимость говорить о ее собственном художественном языке», использовать «особый терминологический и категориальный аппарат» (с. 6). Именно такого подхода и придерживаются авторы учебного пособия, отказываясь от устойчивых советологических схем и оценок, неизменно обнаруживая в тексте издания стремление к объективности и независимости от политических установок эпохи, будучи константно нацеленными на преодоление сложившихся и живучих околонучных штампов. Авторский коллектив издания неизменно, в каждом разделе и в каждой главе, демонстрирует критический взгляд на приемы и принципы литературоведения прошлого, деструктурируя прежние концепции и шаблоны, предлагая современные подходы к оценке литературного творчества, трансформируя и редуцируя устаревшую аксиологию художественного текста.

Между тем базовым принципом построения пособия оказывается выработанная членами авторского коллектива успешная и логичная «системообразующая» (с. 9) тенденция – курс на осознание и совмещение традиции и новаторства в восприятии отечественной литературы, умение органично соразмерить «непрерывную традицию» прошлых лет с художественными образцами, предлагающими новую картину мира и человека. Личностность и стремление к самоидентификации того или иного художника – представителя и глашатая эпохи – неизменно прослеживаются авторами пособия на всем протяжении излагаемого материала.

Характеристика «антропологического ренессанса» рубежа XIX–XX вв. (1890–1921 гг.) в первой части пособия сменяется в части второй обозрением литературы и театра Серебряного века, включающим в себя общие доминантные характерологические параметры ведущих литературных течений начала прошлого века – символизма, акмеизма, футуризма, неореализма – и отдельную главу, дающую представление о литературе русской эмиграции «первой волны». Автор обзорной части данной главы справедливо отмечает применимость и распространение термина «серебряный век» не только на словесность, но и на «развитие русского театра, живописи, музыки,

философии, т. е. культуры в целом» (с. 13), потому, вероятно, было бы тем более правильно (особенно в ориентации на студентов) придерживаться общепринятого написания – Серебряный век, дающего представление о целой эпохе русской культуры начала XX в. Между тем сама глубинная сущность неоднозначного и неоднородного этико-эстетического явления конца XIX – начала XX в. представлена О. А. Бердниковой весьма показательно и ярко, убедительно и аргументировано. С точки зрения известного ученого: «Серебряный век – это не только суммарно взятое развитие различных видов искусств, это особый тип художественного сознания, образ мышления, “сложная целостность”» (с. 14).

Небольшая преамбула к разделу «Русский символизм» открывает путь к яркой и выразительной главе о двух наиболее ярких представителях русской символистской традиции – «старшего символиста» Валерия Брюсова (автор главы Е. Г. Муценок) и «младшего символиста» Александра Блока (автор О. А. Бердникова). Совмещение биографической составляющей личности и смыкание ее с творческой эволюцией писателя порождают цельное представление о характере этико-эстетических идей, проводимых в жизнь выдающимися символистами разных поколений, демонстрируют своеобразие творческих интенций каждого из них.

Особо следует оговорить жанровую константу пособия – включение в каждую главу издания краткого перечня вопросов и заданий, ориентированных на то, чтобы акцентировать восприятие материала реципиентами (студентами, учителями, преподавателями), сориентировать их в поглавном материале, актуализировать их сотворческую активность¹.

Насыщенными и исполненными глубины осмысления предстают главы второго раздела – «Акмеизм» и «Футиризм», в первой из которых выразительно очерчены творческие индивидуальности Н. С. Гумилева, О. Э. Мандельштам (автор обеих подглавок Е. Г. Муценок) и А. А. Ахматовой (автор Т. А. Никонова), вторая – структурно и конструктивно предлагает дифференциальную систему русского футуризма и его разнородных групп (автор Т. А. Тернова). В названных главах удачно и лаконично интерпретированы теоретические ма-

нифесты акмеистов и футуристов (будь то «Наследие символизма и акмеизма» Н. С. Гумилева, «Утро акмеизма» О. Э. Мандельштама или «Садок судей» и «Пощечина общественному вкусу» русских будетлян), предложены квинтэссенции творческих установок молодых и ищущих собственные пути поэтов, выявлены доминантные черты самоценности каждого из поэтических течений и их отдельных представителей. Тонко и внимательно трактованы поэтические тексты Ахматовой – как на уровне названия ее сборника (например, «Anno Domini» – как «Лето Господне» и как «Благодать (Анна по греч. «благодать») Господа») (с. 55), так и непосредственно текстов ее «Вечера», «Четок» и «Реквиема» (в последнем случае Т. А. Никонова успешно разделяет взгляд на творчество Ахматовой «прежде» и «теперь», обнаруживая разность восприятия ее поэзии различными историческими эпохами) (с. 84).

В главе «Русская реалистическая проза XX века» акцент сделан на творчестве И. А. Бунина (автор раздела О. А. Бердникова), А. И. Куприна (автор Е. Г. Муценок), М. Горького (автор Т. А. Никонова), на экзистенциальных составляющих художественного мировоззрения первого и романтических тенденциях творчества последних. По словам исследователей, «именно в художественной практике этих писателей реализм, не утратив своей духовной и эстетической сущности и назначения “учился” художественно познавать и отражать действительность в тех формах, в которых ее создал Творец, пытался проникнуть в смысл того, что происходило в духовной, исторической, общественной и частной жизни человека катастрофического XX века» (с. 112). Стремясь проникнуть в существо онтологических установок Бунина, О. А. Бердникова справедливо полагает, что «Бунин как никто другой остро переживал обреченность человека всепоглощающей смерти». Однако, по словам исследователя, «изначальный трагизм человеческого существования <...> не приобрел бы у писателя характера некой роковой закономерности, если бы не усугублялся историческими и социальными катаклизмами XX века, эпицентром которых была Россия» (с. 115).

Подобно тому, как в восприятии Бунина О. А. Бердникова предлагает отказаться от социологизированных и политизированных точек зрения прошлого (с. 125), так и Т. А. Никонова предпринимает попытку по-новому, с современных позиций взглянуть на революционно-романтическое творчество М. Горького, придать его интерпретации не идеологическую, но художественно-эстетическую направленность (с. 158–159, 175–176). Опираясь на детальный анализ горьковских триптиха «Ста-

¹ В целом подобная практика, несомненно, дает свой результат. Между тем, возможно, более действенным и эффективным могло бы быть формулирование заданий и вопросов не на основе выделения реферативных моментов прочитанного, а в попытке подключения дополнительного знания реципиентов, вовлеченных в мыслительный процесс сотворчества и сомышления.

рухи Изергиль» и романа «Фома Гордеева», через них ученый умело выходит на трактовку пьесы «На дне», уделяя пристальное внимание разнообразным типам героя в «картинах» Горького, охарактеризованным драматургом (как верно заметила исследователь) по различным признакам – «по социальному (Барон), по профессии (Актер), национальности (Татарин)» (с. 173). Ученый тонко подмечает, что в таком контексте «имена собственные также обобщены, как и клички: библейское Лука, сказочное Василиса, былинное Васька, напоминающее любимого Горьким Ваську Буслаева» (с. 173). В рамках ослабленной сюжетной динамики пьесы Т. А. Никонова выделяет особую роль Луки (усматривает его «объединяющее», но «пассивное» начало) и «странную» роль Сатина («монолог, произнесенный героем, словно бы взят из другого текста»), логично подводя к выводу о разности «истины» и «сострадания» для различных – сильных и слабых – горьковских типов. И хотя на настоящий момент среди горьковедов принята иная трактовка пьесы «На дне» [1], возможность интерпретации, предложенная Т. А. Никоновой, допустима и мотивирована.

Особый интерес представляет собой небольшая глава «Русская литературная эмиграция в XX веке» (написана Т. А. Никоновой, П. В. Куприяновским и Н. А. Молчановой). Общая характеристика двух ветвей первой русской эмиграции – европейской и восточной – представлены исследователями как два громадных локуса мирового «рассеяния», ориентированные на идеалы прошлого и объединенные устремлениями сохранить традиции и мощь русской литературы (и культуры в целом) за пределами отечества. Обобщенно категориальные характеристики эмиграции «первой волны» органично дополнены в тексте пособия не только воссозданием исторической и творческой атмосферы эмигрантских Парижа, Берлина, Праги или Шанхая и Харбина, но и номинативными (в пределах малого объема главы) оценками и перспективами творческих устремлений прозаиков, поэтов, драматургов, критиков, публицистов, философов, оказавшихся за рубежом (в их числе имена известные и малознакомые).

Мощный корпус научных статей содержит третий раздел пособия – «Русская литература 1920–1930-х годов», включающий в себя выделенные по родовому признаку подразделы «Поэзия 1920–1930-х годов», «Проза 1920–1930-х годов», «Драматургия 1920–1930-х годов». Динамика литературного процесса указанного периода, представленная в аналитике Т. А. Никоновой, создает абрис мятежной и бурлящей социально-исторической среды 1920-х гг. (ученый

отмечает доминирование мотивов *вихря, метели, бури* (с. 259), в которой актуализировался *герой массы*, вытеснивший собой прежнего героя-индивида, конкретизированный и концентрированный в 1930-е годы в *героя делающего* (вместо героя духовного). По словам исследователя, «герой литературы, поставленный в прямую зависимость от дела, нужного обществу, утрачивал именно человеческую, только ему принадлежащую глубину и сложность» (с. 264).

В подразделе «Поэзия 1920–1930-х годов» (авторы Т. А. Никонова, А. В. Фролова, Т. А. Тернова, А. А. Кретинин) исследователями, наряду с генерализирующими векторами поэтического Пролеткульта, особо выделены доминанты фольклоризированного творчества новокрестьянских поэтов – Н. А. Клюева, С. А. Есенина, С. А. Клычкова, П. В. Орешина, А. В. Ширяевца и др., ориентированных на народную культуру, народный быт, народную ментальность и создающих образ-миф Руси-хранительницы, пронизанный трагическими нотами революционной эпохи, мотивами утраты и разочарования. Значительное место в разделе уделено непосредственно поэзии С. А. Есенина, представленного монографически, – причем не только поэтическими «Радуницей», «Сорокоустом», «Москвой кабацкой» или «Анной Снежной», но и художественным трактатом «Ключи Марии». По словам Т. А. Никоновой и А. В. Фроловой, будучи глубоко национальным поэтом, Есенин постепенно «отошел от мифологических построений» новокрестьянских поэтов, предложив своим современникам «не только возможную стратегию постижения изменившегося мира в слове поэта, но и реализовал ее, насколько это было возможно в тех исторических условиях, в своей художественной практике» (с. 320).

Особое место в разделе поэзии 1920-х гг., со всей закономерностью и мотивированностью, занимает авангардное творчество В. В. Маяковского, ибо, по словам Т. А. Терновой, «радикальные перемены, произошедшие в <его поэзии>, совпали с событиями революции» и были «непосредственно реализованы в его биографии и творчестве» (с. 286). Вероятно, именно этим положением объясняется преимущественное и пристальное рассмотрение исследователем образа Ленина в контексте поэтического творчества Владимира Маяковского указанного периода.

Обращает на себя внимание тонкая по своему пониманию и отмеченная погружением в поэзию Б. Л. Пастернака глава о поэтическом сборнике «Сестра моя – жизнь». А. А. Кретинин справедливо полагает, что «поэтическая биография Б. Пастернака значительно пространнее и дол-

говечнее» (с. 296), чем прозаическая, и успешно доказывает свое суждение на примере анализа выделенного им поэтического сборника.

Сочетание различных исследовательских подходов демонстрирует глава об «отряде левого революционного искусства» ОБЭРИУ, в которой Т. А. Тернова выгодно совмещает общехарактеристический ракурс обозрения и монографические главки о синтетических поисках и поэтических экспериментах Д. Хармса и натурфилософских изысканиях Н. А. Заболоцкого.

Внушительен по объему рассматриваемого материала раздел «Проза 1920–1930-х годов» (исполнители Т. А. Никонова, Е. Г. Мущенко, А. А. Кретинин), в котором мощно и репрезентативно представлены писатели различных поэтических течений и мировоззренческих установок, ориентированные на разные художественные приоритеты и отличные в творческой реализации стилистико-речевого пласта – М. Булгаков, М. Горький, Вс. Иванов, В. Набоков, А. Платонов, А. Серафимович, А. Н. Толстой, А. Фадеев, Дм. Фурманов, М. Шолохов.

Подхватывая и органично продолжая разговор о творчестве М. Горького, начатый еще во второй главке «картинами» «На дне» и романом «Мать», Т. А. Никонова в новой главе закономерно стремится найти инновированные черты горьковской поэтики, выявить иные черты его прозы, уточнить творческую позицию писателя, проявившуюся в послереволюционные годы. Обращение к материалу очерков «Несвоевременные мысли» и романа «Жизнь Клима Самгина» позволяет исследователю констатировать возрастающее внимание писателя в послереволюционные годы к личности отдельного человека, к попытке психологизации поздней прозы и одновременно – к подмене стихийно-чувственного восприятия исторической и социальной (едва ли не прагматизированной) адресностью. По словам Т. А. Никоновой, преобразование человека в творчестве М. Горького оказывалось «отложенным событием» (с. 367).

Не менее сущностен анализ творчества М. А. Булгакова, предложенный в третьей главе читателям пособия. Опираясь на наблюдения известного булгаковеда М. О. Чудаковой, Т. А. Никонова предлагает свое прочтение романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита», умело сочетая устойчивые каноны булгаковского мировидения с теми коррективами, которые вносила в ментальность писателя (и ее отражение в критике) историческая действительность. Ученый справедливо отмечает (применительно и к роману «Белая гвардия», и к роману «Мастер и Маргарита»), что в итоге «высшей человеческой ценностью <Булга-

ков> объявляет *Дом*, размеренную, устоявшуюся, человеческую жизнь, ничем не нарушаемый быт» (с. 396).

Любопытны наблюдения над творчеством В. В. Набокова, предложенные А. А. Кретиным, отталкивающимися от пушкинских мотивов (и шире – традиций) в образной системе и творческом мировидении писателя. Хорошее знание исследователем классического наследия позволяет расширить перспективу восприятия персонажной системы романов Набокова «Машенька», «Защита Лужина», «Дар», его художественных ретроспекций и мыслительных проспекций.

Воронежский период творчества Андрея Платонова («пролеткультовский») логично и мотивированно выделяется в главе учебного пособия, подготовленного коллективом ученых Воронежского государственного университета. Т. А. Никонова обращает внимание прежде всего на сюжетно-стилевое, рече-языковое мастерство Платонова, на особенности и своеобразие нарративного ряда его прозы. «Платонов принадлежит к числу художников внешне монотонных, тяготеющих <...> к определенной типологии героя, сюжета <...>», но, по мнению ученого, «главный и выразительный определитель платоновского текста – язык, неповторимая платоновская вязь» (с. 419).

Более лаконична, но не менее насыщена информативным материалом глава «Драматургия 1920–1930-х годов» (написана Т. А. Никоновой, Т. А. Терновой). По утверждению исследователей, «драматургия 1920-х годов должна была распахнуть сцену, научиться убеждать зрителя на материале пафосном и небытовом, видеть новые связи и закономерности и в хорошо освоенных семейных конфликтах» (с. 453). Характерологичными персоналиями эпохи учеными избраны Б. Лавренев («Разлом»), К. Тренев («Любовь Яровая»), М. Булгаков («Дни Турбиных» и «Бег»), В. Вишневский («Оптимистическая трагедия»), А. Арбузов («Таня»). Авторы подраздела подчеркивают трагический оттенок драматических творений писателей той поры, намечают новые тематические ракурсы, избираемые «молодыми» (для советской литературы) драматургами, пытаются постичь «природу человеческих чувств», вынесенную на театральную сцену. Динамика развития советского театра от 1920-х к 1930-м гг. маркирована исследователями как переход от внешних приемов и «овеществленных» стратегий революционной драмы к более сложным и тонким изменениям идейно-эстетических (и этических) трактовок, «не совпадающих с навязываемыми жанровыми шаблонами и стереотипами» (с. 472). В этом смысле закономерно внимание авторов пособия к пье-

сам Н. Р. Эрдмана («Мандат») и В. В. Маяковского («Баня»).

Учебное пособие «Русская литература XX века» оснащено богатым справочным аппаратом, предложенным студенческой аудитории, – опора на современные монографии [2], учебники [3], учебные пособия [4] последнего десятилетия придает изданию ВГУ академическую весомость и основательность.

В любом учебном или учебно-методическом издании можно было бы найти ряд недостатков – обнаружить неточности или неизбежные лакуны, отметить расхождение аналитических воззрений или несовпадение научных точек зрения, обратить внимание на субъективность отбора материала или указать на существование иной трактовки отдельного произведения или литературного явления в целом. Однако в данном случае возможная (и допустимая) гетерогенность не умаляет значения и значимости учебного пособия как для обучающего процесса в вузе (не только в ВГУ, но и вузах-партнерах), так и для выработки новейших перспектив осмысления литературного процесса начала прошлого века. Достижения авторского коллектива учебного пособия «Русская литература XX века» очевидны: анализируемый материал тщательно отобран, актуален, рецептивен, осмыслен в новых современных координатах, опирается на традиционную базу

уже прошедших испытание временем научных концепций и положений. Не случайно по итогам V Приволжского межрегионального конкурса вузовских изданий «Университетская книга – 2017» авторский коллектив Воронежского государственного университета (О. А. Бердникова, Г. Н. Боева, А. А. Кретьинин, П. В. Куприяновский, Н. А. Молчанова, Е. Г. Муценко, Т. А. Никонова, Т. А. Тернова, А. В. Фролова) и подготовленное им учебное пособие «Русская литература XX века. Человек и художественная реальность в литературе. Часть I» было отмечено как *лучшее учебное издание по филологическим наукам (2017)*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданова О. В.* Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX века (классика в новом прочтении) / О. В. Богданова. – СПб. : Береста, 2017. – 560 с.
2. *Грякалова Н. Ю.* Человек эпохи модерна: биография – рефлексия – письмо / Н. Ю. Грякалова. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. – 384 с.
3. *Лейдерман Н. Л.* Современная русская литература : учеб. пособие : в 3 кн. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – Кн. 3. – 160 с.
4. *Осьмухина О. Ю.* Художественное своеобразие прозы В. Набокова : учеб. пособие / О. Ю. Осьмухина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – 180 с.

Санкт-Петербургский государственный университет

*Богданова О. В., доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института филологических исследований
E-mail: olgabogdanova03@mail.ru*

*St.-Petersburg State University
Bogdanova O. V., Dr. Habil. in Philology, Professor, Leading Researcher of the Philological Studies Institute
E-mail: olgabogdanova03@mail.ru*